

ЗАМЕТКИ О ВОЕННОЙ ПРОПАГАНДЕ 1812 г.

Русская военная пропаганда 1812 г. — одна из интереснейших, но до последнего времени малоизученных страниц истории Отечественной войны. Лишь в последнее время стали появляться посвященные ей исследования и публикации. Однако ряд важных сторон этой большой и сложной темы не получил еще должного освещения в историографии. Не выяснены, в частности, некоторые обстоятельства военно-пропагандистской деятельности русского командования в начальный период войны. Настоящие заметки и ставят своей целью частично восполнить этот пробел.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПРОЕКТ ИЗДАНИЯ «ВОЕННЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»

В 1959 г. А. Г. Бескровным в архиве Военного министерства была обнаружена записка двух профессоров Дерптского университета — А. С. Кайсарова и Ф. Рамбаха, предлагавших учредить при Главной квартире походную типографию. В записке, проникнутой принципами просветительской идеологии, предусматривался выпуск на русском, немецком и польском языках армейской газеты или, как было сказано в записке, «ведомостей». Записка была подана командованию за несколько дней до начала кампании, дерптские профессора были спешно вызваны в Главную квартиру, и их предложения положены в основу агитационной деятельности русского штаба¹.

Записка Кайсарова и Рамбаха явилась результатом их сугубо частной инициативы и была одобрена Александром I не потому, что он разделял изложенные в ней взгляды, а лишь благодаря особому стечению обстоятельств в чрезвычайной обстановке кануна войны. Поэтому разыскания вокруг этого документа не давали возможности судить о том, пред-

принимались ли самим командованием какие-либо практические меры по налаживанию военно-пропагандистской работы еще до подачи записки Кайсарова и Рамбаха. Подготовка к столь ответственному политическому делу если и имела место, то тщательно скрывалась, и свидетельства источников о ней немногочисленны.

В этом отношении заслуживает пристального внимания еще один недавно найденный документ, хранящийся в Военно-ученом архиве ЦГВИА. Он представляет собой писарский текст на листе бумаги обычного для военных канцелярий того времени типа и формата.

Документ датирован 16 апреля 1812 г., собственного заголовка, подписи или указания на автора не содержит. Приводим полный его текст:

«В Главной квартире российской армии признается по многим отношениям полезным издавать военные ведомости.

Цель сего издания есть, с одной стороны, воспламенить в войнах наших рвение к защите и славе своего отечества и утверждать вообще во всех подданных его величества усердие к благу империи, а с другой стороны, смешивать все расчеты неприятеля в рассуждении сведений о силе, положении, настоящих и будущих действий нашей армии.

Посему газету сию составят следующие статьи:

1. Высочайше издаваемые манифесты, указы и прокламации как от высочайшего имени, так и от начальников войск.
2. Донесения начальников войск о действиях армии и положении ее.
3. Известия изнутри России, относящиеся к важным предметам.
4. Военные анекдоты, свидетельствующие о разных оказанных войнами нашими на поле брани благородных поступках.
5. Известия иностранные, в особенности о неприятельском войске и земле, оным занимаемой.

Невозможно в точности начертать предварительно всех правил, коими надлежит руководствоваться при издании военных ведомостей. Разные, имеющие встретиться обстоятельства должны определять каждый раз средства к достижению вышеозначенной цели.

Ведомостей сих предполагается издавать еженедельно по одному номеру на русском, немецком и французском языках, не применяясь буквально к переводу».

¹ Записка А. С. Кайсарова и Ф. Рамбаха опубликована в сборнике документов «Листовки Отечественной войны 1812 года» (М., 1962, стр. 145—150) (далее — «Листовки»). Подробнее см.: А. Г. Тартаковский. Военная публицистика 1812 года. М., 1967.

На полях помета рукою М. Б. Барклая-де-Толли: «Зная время, когда сия газета должна выходить, ее выдавать по мере, как иметь будет к оному материал»².

Настоящий документ бесспорно свидетельствует о том, что еще за два месяца до начала кампании русский штаб был всерьез озабочен организацией пропагандистской борьбы с наполеоновской агрессией. Очевидно, проект был составлен по поручению Барклая-де-Толли кем-то из его сотрудников. Не исключено, что читал этот документ и Александр I, с 14 апреля 1812 г. находившийся в Вильно. Происхождение проекта каким-то образом связано с теми предположениями относительно развертывания агитационной работы в армии, которые в последние месяцы перед войной высказывались Барклаем-де-Толли. 22 января 1812 г. он представил Александру I доклад, где подробно изложил свои взгляды на подготовку борьбы с Францией. В ряду самых неотложных мер военный министр поднимал вопрос и о возбуждении антинаполеоновских настроений в Европе, о том числе в самой Франции, средствами печатной пропаганды. «Самое благоприятное воздействие будут иметь прокламации», — писал Барклай-де-Толли, полагая, что русская пропаганда должна быть активной, наступательной, не устанно обнажать пороки установленного Наполеоном режима угнетения европейских стран и привлекать тем самым симпатии их народов на сторону России³.

Однако доклад Барклая-де-Толли, касавшийся лишь общих вопросов военно-политического характера, никаких конкретных рекомендаций не содержал. Порядок и способы, при помощи которых следовало наладить военно-агитационную работу, должны были быть определены, очевидно, после одобрения царем доклада в целом. Проект издания военных ведомостей и явился, по всей видимости, одной из попыток реализации этих замыслов Барклая-де-Толли.

В намеченных в проекте пунктах обнаруживается известная общность с упомянутой выше запиской дерптских профессоров, особенно в том, что касается состава и содержания

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18159, л. 18. Приношу глубокую благодарность научному сотруднику ЦГВИА Л. Б. Леонидову за помощь в расшифровке пометы М. Б. Барклая-де-Толли.

³ «Внешняя политика России XIX и начала XX века». Документы российского Министерства иностранных дел. Серия первая. т. 6. М., 1962, стр. 269—270.

ведомостей. Но в других своих частях анонимный проект заметно уступает записке Кайсарова и Рамбаха. В нем лишь очень кратко определены цель издания, перечень тех «статей», которые предполагалось помещать, и порядок выпуска ведомостей, по поводу чего в Главной квартире еще не сложилось, очевидно, единого мнения, что видно из приведенной выше резолюции Барклая-де-Толли.

В проекте отсутствует какая-либо аргументация в пользу предполагаемого издания, в то время как в записке Кайсарова и Рамбаха необходимость создания в армии агитационного центра обосновывалась с широких идейно-философских позиций и была отмечена высоким пониманием роли печатного слова в предстоящей войне. Если в проекте военным ведомостям предполагалось придать охранительно-монархическую направленность («утверждать вообще во всех подданных его величества усердие к благу империи»), то записка дерптских профессоров была лишена каких-либо верноподданнических черт, ее пронизывали гражданственно-патриотические мотивы, и последующая деятельность Кайсарова и Рамбаха по выпуску в 1812 г. публицистической литературы вполне соответствовала этим установкам их записки⁴.

В проекте ни слова не сказано и о том, на какой типографской базе имелось в виду печатать ведомости, кто должен был их составлять, редактировать, распространять и т. д. В записке же дерптских профессоров все это было предусмотрено самым подробным образом. Более того, Кайсаров и Рамбах возлагали на себя обязанности по закупке типографского оборудования, найму наборщиков и печатников и доставлению сформированной ими походной типографии в Главную квартиру, где они предлагали свои услуги не только в качестве организаторов всего дела, но и как авторы и редакторы агитационной литературы и брались одновременно за ее распространение. Эта тщательная и продуманная система практических мероприятий представляла для командования особенно большую ценность в связи с тем, что в 1812 г. типографская техника в русской армии (она состояла лишь из четырех печатных станков, прикомандированных к квартирмейстерской части) была очень мало приспособ-

⁴ А. Г. Тартаковский. Русская армейская публицистика Отечественной войны 1812 года. Канд. дисс. М., 1965, стр. 252—285, 360—407, 459—465, 535—539.

соблена для печатания в сколько-нибудь массовом масштабе пропагандистской литературы, а тем более для выпуска этой литературы на иностранных языках⁵.

Последнее обстоятельство и определило, видимо, то предпочтение, какое было отдано при организации военно-пропагандистского центра записке Кайсарова и Рамбаха, именно ей, а не возникшему еще за полтора месяца до того проекту издания военных ведомостей. Проект был отложен, и о его дальнейшей судьбе красноречивее всего свидетельствует название того дела, в котором он, вероятно, уже со времен Отечественной войны и находился: «Разные предположения, но невыполненные проекты 1812 г.». Однако при всем том ознакомление с этим документом бесспорно расширяет наши представления о подготовке русского командования к войне 1812 года.

ПЕРВОЕ ОБРАЩЕНИЕ К ВОЙСКАМ

Долгое время среди историков было принято считать, что единственными обращениями русского командования, оповестившими войска и население о начале войны, явились «Приказ нашим армиям» Александра I и его же рескрипт председателю Государственного совета и Комитета министров Н. И. Салтыкову. Автором и того, и другого документов, датированных 13 июня, был адмирал А. С. Шишков, который незадолго до того сменил М. М. Сперанского на посту государственного секретаря и сопровождал Александра I в армию для писания правительственных манифестов и воззваний⁶. Как и все выходящее из-под пера Шишкова — крайнего приверженца патриархально-консервативных устоев, оба эти документа, выдержанные в торжественно-патетических тонах, были проникнуты религиозно-монархическими мотивами. «Приказ нашим армиям» и рескрипт Салтыкову получили широчайшую известность в дореволюционной историографии. Они всячески поднимались ею на щит, восторженно и панегирически комментировались, без конца публиковались в исторических трудах и популярных изданиях. Между тем эти царские обращения

⁵ А. Г. Тартаковский. Русская армейская публицистика Отечественной войны 1812 года, стр. 50—52.

⁶ «Краткие записки адмирала А. Шишкова», изд. 2. СПб., 1832, стр. 7—10.

не имели того значения, какое стремилась придать им старая историография. В те же дни в Главной квартире был издан еще один агитационный документ, возвестивший начало войны: приказ Барклая-де-Толли войскам с призывом отразить нашествие армии Наполеона.

По сравнению с остальными агитационными приказами русского командования за 1812 г., которые многократно печатались и достаточно известны в литературе, этот приказ Барклая-де-Толли представляет собой чрезвычайно редкое издание⁷. Единственная его публикация, принадлежавшая Д. Н. Бантыш-Каменскому⁸, осталась не замеченной историками, и столь примечательный памятник военно-агитационной литературы 1812 г. был предан забвению вплоть до самого последнего времени, когда в 1962 г. он вновь увидел свет в сборнике документов «Листовки Отечественной войны 1812 года».

До нас дошли три типографских экземпляра приказа и несколько его современных оригиналу рукописных копий⁹. Последнее косвенно указывает на заметное распространение приказа в русском обществе эпохи войны 1812 года. Текст, напечатанный Бантыш-Каменским, имеет некоторые разночтения по сравнению с типографским экземпляром, а это заставляет предполагать, что приказ Барклая-де-Толли был опубликован здесь не по типографскому экземпляру, а по одной из рукописных копий, которые расходились среди населения.

Официально приказ Барклая-де-Толли был выпущен в тот же день, что и упомянутые выше царские обращения. Это явствует из пометы на том типографском экземпляре, который сохранился в делах канцелярии главнокомандующего. Вверху первого листа, в месте, обозначающем время издания документа: «июня... дня», вписано число 13¹⁰.

⁷ А. Г. Тартаковский. Русская армейская публицистика 1812 года (Опыт источниковедческого изучения). — «Археографический ежегодник за 1963 год». М., 1964, стр. 169—172, 185—186.

⁸ Д. Н. Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей русской земли, ч. 1. СПб., 1847, стр. 98—99. Пользуюсь случаем принести глубокую признательность Н. И. Казакову, обратившего мое внимание на публикацию Д. Н. Бантыш-Каменского.

⁹ А. Г. Тартаковский. Русская армейская публицистика 1812 года, стр. 185; «Листовки», стр. 21—22.

¹⁰ ЦГВИА, ф. 103, оп. 209г, св. 51, л. 55, л. 39.

Однако, как выясняется из обнаруженных недавно архивных материалов, подготовка этого приказа относится к несколько более раннему времени.

В «Журнале входящим делам по секретной части» за 12 июня записано отношение сотрудника канцелярии военного министра полковника Койленского П. М. Волконскому, ведавшему квартирмейстерской службой в русской армии. От имени Барклая-де-Толли этим отношением предписывалось «в походной типографии квартирмейстерской части напечатать как можно поспешнее и как можно больше экземпляров препровождаемого при сем приказа и его по мере отпечатания присылать в дежурство Военного министерства, сохранив, однако, оный до своего времени в тайне»¹¹. (Напомним, что походная типография Кайсарова и Рамбаха прибыла в Главную квартиру только в конце июня—начале июля, чем и было вызвано в данном случае обращение к квартирмейстерской типографии, уже за несколько недель до того находившейся в Вильно.)

Прежде всего совершенно бесспорно, что в отношении Койленского речь шла именно о разбираемом здесь приказе Барклая-де-Толли, поскольку никаких других его приказов за 12 и 13 июня отдано не было.

Видимо, 12 июня приступили к печатанию приказа. Во всяком случае никак иначе нельзя объяснить тот факт, что уже на следующий день, 13 июня, в канцелярию Барклая-де-Толли была препровождена первая партия тиража в количестве 210 экземпляров и очень скоро еще две партии — по 590 и 200 экземпляров. Общий тираж приказа, полученный 13 июня в канцелярии Военного министерства, составлял таким образом 1 тыс. экземпляров¹².

Стало быть, если уже в течение 12 июня были предприняты столь деятельные усилия по отпечатанию приказа, потребовавшие многих часов напряженного труда, можно вполне обоснованно заключить, что сам этот приказ написан был не позднее первой половины дня 12 июня. Ведь на подготовку текста приказа, а он был составлен очень обдуманно и осмотрительно, также должно было уйти какое-то время.

¹¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3520, л. 105—105 об.

¹² Там же, л. 18.

Вместе с тем хорошо известно, что первые сведения о переходе «Великой армией» границы, который начался между 9 и 11 часами вечера 11 июня, были получены в русской Главной квартире только поздно вечером 12 июня.

Переправа через Неман совершалась в расположении 2-го пехотного корпуса 1-й Западной армии. Донесение о случившемся начальника его авангарда генерал-майора Всеволожского командиру 2-го корпуса генерал-лейтенанту К. Ф. Багговуту было получено последним лишь в 12-м часу дня 12 июня. Час спустя он отправил с нарочным курьером рапорт о вторжении неприятеля Барклаю-де-Толли в Вильно. Ковенский городничий Бистром со своей стороны оповестил о начавшейся переправе министра полиции А. Д. Балашева. Бистром прибегнул к помощи корчмарей, которые держали в своих руках безотказно действовавшую «летучую почту». Прекрасно ориентируясь в местной обстановке и используя кратчайшие тракты, они доставили сообщение Бистрома так быстро, что оно опередило на несколько часов нарочного курьера с донесением Багговута — последнее поступило в канцелярию Барклая-де-Толли лишь к утру 13 июня. Известие же Бистрома было получено еще вечером 12 июня на балу в Закрете и тогда же доложено Александру I. От него узнал об открытии кампании и Барклай-де-Толли¹³.

Как бы то ни было, но осознание русским командованием того, что война уже началась, что она стала свершившимся фактом, относится ко времени после получения донесения Бистрома, т. е. в ночь на 13 июня. Первые же распоряжения о действиях в новой обстановке корпусов 1-й и 2-й Западных армий были отданы Барклаю-де-Толли после ночной беседы с царем на утро 13 июня.

Итак, вполне точно устанавливается то, на первый взгляд, трудно объяснимое и парадоксальное обстоятельство, что приказ Барклая-де-Толли, фактически возведший начало войны, был составлен за много часов (видимо, примерно за полчаса) до того, как Главная квартира получила первые известия об открытии военных действий! Подтверждение этому находим и в тексте документа. В нем ни слова

¹³ Н. Поликарпов. Отечественная война 1812 года (По материалам Лефортовского архива). — «Тысяча восемьсот двенадцатый год», 1912, № 2, стр. 67; № 6, стр. 211—212; он же. Очерки Отечественной войны (По архивным данным). — «Новая жизнь», 1911, № 10, стр. 161—168.

не сказано о самом факте переправы «Великой армии» через Неман. В общих словах в приказе говорится только о том, что наступило время столкновения русских с армией Наполеона, хотя из контекста документа следует, что само начало войны автору приказа представляется в принципе совершенно очевидным: «Воины! Наконец, приспело время знаменам вашим развиться пред легионами врагов всеобщего спокойствия; приспело вам... твердо противостать дерзости и насилиям, двадцать уже лет наводняющим землю ужасами и бедствиями войны!..»¹⁴ Естественно, что в листовке, обращенной к войскам и извещавшей их об открытии военных действий, будь она действительно написана после получения сведений о вторжении неприятельской армии в Россию, об этом должно было быть сказано в более ясных и определенных выражениях. Показательно, что и «Приказ нашим армиям» Александра I и его же рескрипт Салтыкову, составленные и в самом деле 13 июня, содержали прямые указания на переход Наполеоном русской границы. В «Приказе» говорилось: «Французский император нападением на войски наши при Ковне открыл первый войну». Рескрипт начинался со слов: «Французские войска вошли в пределы нашей империи»¹⁵.

В то же время в историографии прочно укоренились взгляды, согласно которым для русского командования, хотя и знавшего о военных приготовлениях Наполеона, вторжение «Великой армии» в Россию в ночь на 12 июня было внезапным. «В нашей Главной квартире не полагали, что Наполеон предпринял ее [переправу через Неман] так скоро» (М. Богданович). «Переправа Наполеона явилась для русских неожиданностью». (Н. Левицкий), «Переход французских войск через Неман застал царя, его правительство и Главный штаб врасплох» (Н. Гарнич). «Главная квартира русской армии не ожидала начала войны именно в эти дни. Разведка не сообщала ничего подозрительного до 12 (24) июня» (Л. Бескровный)¹⁶.

¹⁴ «Листовки», стр. 21.

¹⁵ «Краткие записки адмирала А. Шишкова», стр. 8—9.

¹⁶ М. Богданович. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам, т. I. СПб., 1859, стр. 132—133; Бориславский. События в Вильне в 1812 году. — «Военный сборник», 1903, № 6, стр. 39; Н. Левицкий. Война 1812 года. М., 1938, стр. 13; Н. Гарнич. 1812 год. М., 1956, стр. 58; Л. Г. Бескровный. Отечественная война 1812 года. М., 1962, стр. 272.

В свете этих утверждений, перечень которых можно было бы продолжить, факт составления приказа Барклая-де-Толли с призывом отразить наполеоновское вторжение за много часов до того, как было получено первое известие об этом вторжении и почти за сутки до того, как были отданы оперативные распоряжения войскам, и в самом деле предстает непостижимым и загадочным.

Но верны ли эти утверждения по существу?

Еще А. И. Михайловский-Данилевский, оперируя имевшимися в его распоряжении материалами, полагал, что они «совершенно опровергают укоренившееся ложное мнение, будто Наполеон застал нашу армию врасплох»¹⁷. Однако столь веское суждение историографа не было развито в военно-исторической науке последующих десятилетий. Только в период подготовки к 100-летию юбилею войны 1812 года вновь пробуждается интерес к этому вопросу. Фундаментальное значение для его решения имели труды военного историка Н. Поликарпова, который предпринял тщательное обследование Московского отделения общего архива Главного штаба (иначе называемого Лефортовским архивом). На базе этих разысканий им была осуществлена серия чрезвычайно содержательных исследований и публикаций, в литературе еще достаточно не оцененных и ныне в изрядной мере забытых¹⁸. Поликарпову удалось, в частности, на основе подлинной военно-оперативной документации дать точное описание состояния разведывательной службы в русской армии накануне войны.

Правый берег Немана от устья до Гродно был разделен на кордонные участки, которые охранялись легкими и подвижными казачьими полками. Последние входили в состав авангардов четырех пехотных корпусов 1-й Западной армии, располагавшихся вдоль границы. Разъезды и сторожевые посты этих полков немедленно доносили по команде посредством хорошо налаженной летучей военной почты обо всем, замеченном на границе. Одновременно копии этих донесений посылались для сведения в те полки, дивизии и корпуса, с которыми имелось непосредственное соприкосновение. На-

¹⁷ А. И. Михайловский-Данилевский. Описание Отечественной войны в 1812 году, ч. I. СПб., 1839, стр. 168.

¹⁸ Н. Поликарпов. Отечественная война 1812 года; он же. Очерки Отечественной войны.

ряду с этим активно действовала и тайная разведка. Для ее ведения привлекались жители пограничных районов, которые под тем или иным видом проникали на левый берег Немана и могли воочию наблюдать все то, что интересовало русское командование. В результате оно регулярно имело в своем распоряжении подробную и хорошо проверенную информацию, а благодаря сопоставлению данных боевой разведки и тайной агентуры могло, по справедливому заключению Поликарпова, «составить довольно верное представление о положении дел у неприятеля»¹⁹.

В том, что это было действительно так, можно убедиться, обратившись непосредственно к документам штаба 1-й Западной армии.

Еще 1 июня Барклай-де-Толли сообщал литовскому военному губернатору А. М. Римскому-Корсакову, предлагая ему приступить к спешному вывозу казенных денег, имущества и архивов в глубь страны: «По достоверным и из разных мест получаемым сведениям неприятель собирает большие свои силы между Ковно и Гродно и хочет в непродолжительном времени сделать вторжение в наши границы»²⁰. 3 июня штабом Барклая-де-Толли были разосланы корпусным командирам секретные предписания, в которых уже прямо указывалось на возможное отступление 1-й армии «в случае переправы неприятеля через Неман» и предусматривались направления и порядок отхода корпусов с целью сосредоточения их в тылу²¹. С 5 июня поступают уже более определенные и впоследствии во многом подтвердившиеся сведения о местах переправы наполеоновских войск через Неман²². В течение последней недели перед вторжением штаб 1-й армии систематически получал сведения о подходе к границе отдельных частей наполеоновской армии, о скоплении здесь больших масс пехоты, конницы и артиллерии, о нарастающем оживлении в стане противника на левом берегу

Немана, наконец, о подвозе к реке понтонных мостов и других переправочных средств²³. 11 июня, за несколько часов до переправы шеф 1-го Тептярского казачьего полка майор Темиров 1-й доносил об усиленном движении французских войск по направлению к Ковно²⁴.

После всех этих сообщений уже не возникало сомнений в том, что «Великая армия» с часу на час переправится через русскую границу. Еще 10 июня Александр I писал Салтыкову: «Ежечасно ожидаем быть атакованы. С полною надеждою на всевышнего и на храбрость российских войск готовимся отразить неприятеля»²⁵. Более того, в Главной квартире располагали перекрестными известиями и о времени, на которое назначена французами переправа. По данным ряда историков, утром 12 июня Александру I было доложено, что в тот же самый день ожидается переход французами границы²⁶. Накануне, 11 июня, П. Х. Витгенштейн доносил Барклаю-де-Толли: «На нашу сторону хотят сделать переправу... в среду, т. е. 12 числа июня», — и далее сообщал: «Переправа имеет быть на Олиту, Стоняво и Пуни, Ковно, Юрбург и Тильзит. В Ковно имеет быть мост, и на оный приготовлены уже все припасы» (кстати, в канцелярии Барклая-де-Толли это донесение 12 июня уже было получено)²⁷. О том, что «сегодняшней ночи имеет быть переправа французам», дважды доносил 12 июня и начальник авангарда 3-го пехотного корпуса Шаховский²⁸. Наконец, Барклай-де-Толли утром того же дня писал П. И. Багратиону: «Все силы неприятельские сосредоточены между Ковно и Меречем, а сего числа ожидается переправа неприятеля через Неман»²⁹. По распоряжению Барклая-де-

²³ «Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА», т. XIII, стр. 43, 52, 63.

²⁴ «Тысяча восемьсот двенадцатый год», 1912, № 6, стр. 211.

²⁵ А. И. Михайловский-Данилевский. Указ. соч., ч. I, стр. 167.

²⁶ «Русский инвалид», 1859, № 70, стр. 283; Н. П. Михневич. Отечественная война 1812 года. — «История русской армии и флота», т. 3. М., 1911, стр. 99; С. Михеев. Отечественная война. — «Тысяча восемьсот двенадцатый год», 1912, № 7, стр. 245.

²⁷ «Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА», т. XIII, стр. 102—104.

²⁸ «Тысяча восемьсот двенадцатый год», 1912, № 6, стр. 211; № 8, стр. 281.

²⁹ «Генерал Багратион». Сборник документов и материалов. 1945, стр. 161.

¹⁹ Н. Поликарпов. Отечественная война 1812 года, стр. 66.

²⁰ Ю. В. Татищев. Вильна и Литовские губернии в 1812—1813 гг. Вильна, 1913, стр. 36—37.

²¹ «Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА», т. XIII. СПб., 1910, стр. 34; «Тысяча восемьсот двенадцатый год», 1912, № 5, стр. 169—170.

²² «Тысяча восемьсот двенадцатый год», 1912, № 4, стр. 138; «Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА», т. XIII, стр. 43.

Толли аналогичные уведомления были разосланы 12 июня и корпусным командирам 1-й Западной армии: «По последним полученным известиям от генерал-лейтенанта Тучкова 1-го известно, якобы неприятель приготовился переправиться через реку Неман 12 числа сего месяца»³⁰.

Таким образом, вопреки имеющим хождение в литературе взглядам для русской Главной квартиры переход Наполеоном границы не только не был неожиданным, но, наоборот, уже за две недели до того она была вполне информирована о том, что вторжение начнется в самое ближайшее время. Штаб Барклая-де-Толли был достаточно осведомлен о дислокации и сосредоточении войск противника вдоль границы, о тех пунктах, в которых была намечена переправа, наконец, русское командование располагало точными сведениями о том, что вторжение произойдет именно 12 июня.

После всего сказанного факт составления приказа Барклая-де-Толли и принятия мер к его выпуску в свет еще 12 июня получает свое достоверное объяснение. Заблаговременная его подготовка Главной квартирой зиждилась, как мы видели, на точном и разностороннем знании военной обстановки и планов противника, на глубоком и безошибочном понимании неотвратимости войны. Именно потому, что утром 12 июня в штабе Барклая-де-Толли были абсолютно уверены в справедливости этой стратегической оценки, и предписывалось изготовить тираж приказа в самом срочном порядке. Но поскольку официального сообщения о переходе границы еще не последовало, было решено подготовку приказа держать «втайне» «до своего времени», т. е. до того, как только такое сообщение поступит.

Заблаговременное заготовление этого приказа свидетельствовало об особой предусмотрительности штаба Барклая-де-Толли в вопросах военной пропаганды, о той роли, которая отводилась им подъему морального духа войск уже с самого начала борьбы с нашествием.

В этом отношении любопытно сравнить приказ Барклая-де-Толли с «Приказом нашим армиям» Александра I и его рескриптом Салтыкову. Если в них на первое место были выдвинуты фигура монарха и божественно-провиденциальные силы, благодаря которым сугубо верноподданные народ

и войско поднимаются на борьбу с врагом, то в приказе Барклая-де-Толли, хотя и не лишенном этих черт, преобладали совсем иные мотивы. Приказ обращался непосредственно к войскам — защитникам родины и апеллировал к героическому прошлому русской армии, ее высоким воинскими традициям³¹.

Обращает на себя внимание еще одна примечательная особенность приказа. В отличие от остальных приказов Барклая-де-Толли за 1812 г., в том числе и пропагандистских, изданных им от имени главнокомандующего 1-й Западной армией, данный приказ — единственный, который был выпущен от имени военного министра и адресовался ко всем Западным армиям, что практически означало обращение к русской армии в целом. Но не только это должно было определить широкий военно-политический резонанс приказа Барклая-де-Толли. Исходя из всего сказанного, можно вполне основательно считать, что именно он и явился самым первым обращением русского командования, объявившим о начале войны. Раз 13 июня был отпечатан его тираж, а о начале войны уже поступили официальные известия, то в тот же день его, несомненно, стали распространять. Царские документы об открытии кампании были написаны Шишковым только в течение 13 июня, отпечатали же их и разослали в войска и столицы несколькими часами позднее. В правительственных изданиях они увидели свет спустя шесть-семь дней: в «Санкт-Петербургских ведомостях» — 18 июня, а в «Северной почте» — 19 июня 1812 г.

³⁰ ЦГВИА, ф. 474, д. 28, л. 36 об.

³¹ «Листовки», стр. 21.